

в этом мире живой гармонии духа и материи, залогом возможности осуществления идеала в реальных земных условиях. Трагедия красоты, в частности женской красоты, — в несоответствии образа гармонии миру, в котором он явлен (история Фантины, ее любви и материнства, судьба Настасьи Филипповны). Достоевский, уходя от социальной стороны проблемы, акцентирует именно духовный, религиозный смысл трагедии. Князя Мышкина в лице Настасьи Филипповны поражает страдание. На настойчивый вопрос генеральши Епанчиной: «Так вы такую-то красоту цените? <...> То есть именно такую? <...> За что?», князь отвечает: «В этом лице ... страдания много...» (8, 69). Крест страдания неизбежно становится уделом красоты в этом мире. Вместе с тем «загадка» красоты — ее двойственность, необъяснимость ее роли в спасении мира — уже в «Идиоте» вполне обозначена. Дальнейшее художественное решение проблемы красоты (губительной и спасительной в равной мере) получает в «Братьях Карамазовых».

Достоевского и Гюго (при различии творческих методов) объединяют не просто общие темы и идеи. Они оба были сыновьями XIX в., оба страстно верили в человека и будущее человечество, видели смысл своей жизни в борьбе за лучшее и достойное существование своих народов и человечества в целом. И для Достоевского, и для Гюго художественное творчество было религиозным и общественным служением, и этому служению они отдавались целиком. Диалог идей, воплощенных в художественных образах их произведений, концентрированно выражает дух и верования эпохи, для деятелей которой собственно гуманистические идеи были неразрывно связаны с христианскими убеждениями.

Е. А. ГАРИЧЕВА

ТЕМА БЕЗУМИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО И ПОЛОНСКОГО

Один из основных мотивов творчества Достоевского и Полонского — это мотив безумия. В романтической концепции безумие воспринималось как постижение Откровения, что не исключало влияния разума и фантазии.¹ По мнению Ж. Деррида, в классическую эпоху общим основанием разума и безумия является Логос.²

Среди героев Достоевского и Полонского немало безумцев: Голышкин, Иван Карамазов, Хромоножка, князь Мышкин, Ильин (ро-

¹ Шеллинг Ф.-В.-И. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 205.

² Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 53.

ман Полонского «Признания Сергея Чалыгина»), Нефедин (рассказ «Во дни помешательства»). Некоторые из героев находятся в пограничном состоянии, на пороге безумия. Кроме того, мотив подлинного и мнимого безумия является сквозным в романе Достоевского «Идиот» и во многих стихотворениях Полонского.

В своей работе «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко писал о безумии как о возможности человека «быть выброшенным вовне себя самого и существовать, по крайней мере в течение некоторого времени, при полном отсутствии внутреннего содержания». ³ В этот момент прорыва человек раскрывает свою подлинную природу, происходит «стихийный переход к объективности» как конститутивный момент становления человека. ⁴

В повести Достоевского «Двойник» показан распад личности, который сопровождается слуховыми и зрительными галлюцинациями. По мнению К. Хорни, такое явление может быть следствием невроза, поскольку невротики постоянно сравнивают себя с другими, со своим идеальным Я, стремятся быть лучше, что ведет к возникновению фантастических притязаний к себе и к другим, усилению враждебности к тем, в ком они видят соперников. ⁵

Голядкин на протяжении всего повествования опасается интриг и конкуренции. С самого начала автор показывает, какое внимание он уделяет своему внешнему виду. Заглянув в зеркало, он радуется, что на его лице нет ничего «постороннего» и он не остановит на себе «решительно ничьего исключительного внимания» (1, 110). Одеваясь, он «с любовью» рассматривает свою одежду, не замечая «улыбочек» слуги. Во время движения в карете он принимал «приличный и степенный вид, как только замечал, что на него кто-нибудь смотрит» (1, 112). В работе «Человек у зеркала» М. М. Бахтин размышлял о состоянии души такого человека: «Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою. Внешний образ мысли, чувства, внешний образ души. Не я смотрю *изнутри своими* глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. Здесь нет наивной цельности внешнего и внутреннего. Подсмотреть свой заочный образ. Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза». ⁶ Особенно ярко отсутствие личностного начала у героя Достоевского раскрывается во время неожиданной встречи с началь-

---

³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 512.

⁴ Там же.

⁵ Хорни К. Культура и невроз // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 98—99.

⁶ Бахтин М. М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 71.

ником: «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? — думал в неопикуемой тоске наш герой, — или прикинуться, что не я, а что кто-то другой разительно схожий со мной, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только!» (1, 113).

Вытеснение собственной личности приводит к пустоте, которая сразу же заполняется. «Двойник» Голядкина оказывается его полной противоположностью, становится соперником, с которым он начинает конкурировать: «Ну, вот он подлец, — ну, пусть он подлец, а другой зато честный. Ну, он подлец будет, а я буду честный, — и скажут, что вот этот Голядкин подлец, на него не смотрите и его с другим не мешайте» (1, 172). По замечанию Ж. Деррида, ненависть у невротика раскрывает его подлинное желание.⁷ «Двойник» Голядкина — это его идеальное Я. Именно поэтому он сначала принимает «двойника» за отражение в зеркале. Каждый новый этап прогрессирования душевного заболевания сопровождается словами «новый свет проливался». Чтобы понять, о каком свете идет речь, можно обратиться к стихотворению Я. П. Полонского «Темный человек»:

Он темный человек, но вовсе не туманный,
Напротив, он блестит, как черный шар стеклянный,
Поставленный на тумбочке в саду.
Все в нем является живой карикатурой... —
Смотрите, я к нему поближе подойду
И отражусь в нем сплюснутой фигурой.⁸

Человек теряет свою «прозрачность» для Бога, но личностный центр в нем остается — вот почему он «не туманный», т. е. не сделавший своего выбора. Но выбор героя приводит к тому, что им овладевают злые силы. Все, что он видит, искажается в его глазах. Так, Голядкин начинает терять уважение к своей невесте: «Ай да барышня, ай, сударыня вы моя! ай да благонравного поведения девица! ай да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!.. А это всё происходит от безнравственности воспитания...» (1, 212).

Распад личности на внешнего и внутреннего человека показан в стихотворении Полонского «Двойник»:

— Ах! Отвечал двойник, — ты видеть мне мешаешь
И не дашь внимать гармонии ночной.
Ты хочешь отравить меня своим сомненьем,
Меня, — живой родник поэзии твоей!..
И, не сводя с меня испуганных очей,
Двойник мой на меня глядел с таким смятеньем,

⁷ Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 1998. С. 88.

⁸ Полонский Я. П. Полн. собр. стихотворений: В 5 т. СПб., 1896. Т. 2. С. 89.

Как будто я к нему среди ночных теней —
Я, а не он ко мне явился привиденьем!⁹

«Двойник» — это тоже идеальное Я героя Полонского, изначальная чистота и невинность, которая делает человеческую душу «прозрачной» для Бога. Оставшись без веры («я верить не хотел») и любви («злость меня взяла»), герой Полонского отдается во власть злых сил: он говорит «страшно задыхаясь». Голядкин испытывает подобное состояние: «Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и без того уже едва дух переводил» (1, 218). В конце повести, отдавшись в руки врача, Голядкин слышит «пронзительные, неистовые крики всех врагов его» (1, 229).

Психологи рассматривают галлюцинации как психологическую защиту организма у детей или инфантильных личностей, суть которой состоит в вытеснении из сознания травмирующих моментов.¹⁰ С духовной точки зрения, это — прорыв в инобытие: «Сны являются ступенями в инобытие, когда вслед за сном по глубине соприкосновения с иным миром идут галлюцинации, за ней привидения. То есть чем глубже соприкосновение, тем *больней* человек».¹¹ Б. С. Кондратьев рассматривает такое понимание сна у Достоевского в русле христианской традиции, ведущей свое происхождение от Книги Иова.¹²

В Книге Иова сны и болезнь человека — это врата в миры иные, наставление от Бога (Иов. 33: 14—24). «Комплексом Иова», невинного страдальца, наделены многие герои Достоевского и Полонского. Аркадия Долгорукого («Подросток» Достоевского) и Аркадия Трубина («Галлюцинат» Полонского) объединяют статус незаконнорожденного сына князя и отсутствие полноценной семьи. Кроме того, музыкант Трубин, как и Ефимов Достоевского («Неточка Незванова»), считает себя непризнанным гением. Видения этих героев выявляют их подлинную природу и открывают им духовный смысл происходящего.

Аркадий Николаевич Трубин, оставивший мать без помощи и сам отвергнутый отцом, вспоминает свою первую галлюцинацию: «Я разлегся на диван и думал: „А что если я отомщу моему батюшке, отомщу за то, что он бросил мать мою, за то, что он принял меня,

---

⁹ Там же.

¹⁰ Рожнов В. Е., Бурно М. Е. Учение о бессознательном и клиническая психотерапия: Постановка вопроса // Бессознательное: Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. С. 350.

¹¹ Кондратьев Б. С. Сон «как возможность другого мира» у П. А. Флоренского и Ф. М. Достоевского // Православие и культура: 11-е Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2002. С. 318.

¹² Там же.

как свинью, и даже не посадил меня! Говорят, он теперь за границей, а жена и дети его у себя в деревне; что если я проберусь к ним в деревню и познакомлюсь с семьей его. Говорят, одна дочь у него, шестнадцати лет, писаная красавица. Что если я?..“ Но в эту минуту из стены вышла покойная моя мать, подошла к столу и с мертвенной грустью на лице погрозила мне».¹³ По мнению М. Фуко, безумие основано на этической ошибке человека, на его злой воле: оно обнаруживает дурное намерение, нравственный выбор личности.¹⁴ Видение покойной матери свидетельствует о двойной этической ошибке Трубина: отказе матери в помощи и желании зла отцу.

Жестокость по отношению к матери и жажду мести отцу проявляет также герой Достоевского — Подросток. Это объясняется разрушением системы ценностей личности: «Жестокое действие — временное освобождение хаотической души, ищущей опознаться в невозмутимом, сверху глядящем, недосыгаемо торжествующем отделении. Тайна жестокости — тайна космической тоски мрака по солнечности».¹⁵ Кульминационным проявлением хаоса в душе Подростка становится желание героя стать поджигателем. Оно совпадает с его телесной болезнью. Выздоровление, освобождение его души от дурных желаний происходит во сне: он вспоминает, как обидел в детстве свою мать, и слышит колокольный звон. Благовест означает, что сон послан Богом. Но Подростка посещают и «видения от дьявола».¹⁶ Его сон-наваждение, в котором является ему «царица земная» Ахмакова, раскрывает чувственную природу героя. Это в свое время стало причиной грехопадения Адама и разрушения целостности человека. Адам не только был одержим греховным помыслом, он снял с себя ответственность за грехопадение и переложил ее на Еву, а также на Бога, который дал ему Еву.

Доведенное до предела желание снять с себя ответственность за грехопадение раскрывается в бреде Ефимова, героя Достоевского. Его можно назвать маноманом:¹⁷ он одержим идеей смерти жены, мечтая об освобождении своих сил для творчества. При заболевании шизофренией невроз навязчивых состояний «затушевывает свое наслаждение»: «Если больной неврозом навязчивости утверждает, что к чему-то или кому-то он совершенно равнодушен, можете быть уверены, что он самым сердечным образом к ним привязан».¹⁸ Видимо, Ефимов видит в женщине источник наслаждения, кото-

¹³ Полонский Я. П. Галлюцинат // Наблюдатель. 1883. № 7. С. 39.

¹⁴ Фуко М. История безумия... С. 523.

¹⁵ Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 84.

¹⁶ Кондратьев Б. С. Сон как «возможность другого мира»... С. 319.

¹⁷ Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский о тайнах психического здоровья. М., 1994. С. 19.

¹⁸ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М., 1999. С. 385.

рое отвлекает его от творчества, поэтому и жаждет освободиться от жены. По мнению М. Фуко, «безумие есть абсолютный обрыв творчества; оно образует конститутивный момент того уничтожения произведения, которое во времени служит основанием его истины; оно очерчивает его внешней окончательностью, линию низвержения в пропасть, черту, за которой начинается пустота».¹⁹ В тот момент, когда умирает жена Ефимова и наступает его долгожданное освобождение, его свобода открывает доступ к истине — неспособности героя на творчество. Звуки, которые издает скрипка Ефимова, дисгармоничны и не похожи на музыку: «Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем темном жилище <...> я твердо уверена, что слышала стоны, крик человеческий, плач; целое отчаянье выливалось в этих звуках, и наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в котором было все, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске, — все это как будто соединилось разом... я не могла выдержать...» (2, 184). Музыка Трубина, героя Полонского, еще более деструктивна: «Наконец, что-то такое он наладил и запел, но это был уже не голос; это было какое-то обрывающееся завывание, — завывание, которое угнетает слух и тянет за душу».²⁰

Неспособность творить обнаруживает еще один герой Полонского — сумасшедший «лорд» Ильин из романа «Признания Сергея Чалыгина». В критической литературе этого героя соединяли с романтической темой «высокого безумия» как обретения истины.²¹ Имя героя — Илья Ильин (Илья с древнеевр. «Яхве, мой Бог») говорит о том, что он может быть посредником между Богом и людьми. Наблюдая за наводнением в Петербурге, Ильин пророчествует о грядущем конце света и предрекает смерть Чалыгиной. У Логина, слуги Чалыгиной, Ильин вызывает мистический ужас. Сумасшедший «лорд» преследует воспитанницу Чалыгиной, Юлиньку, и пишет о своей любви к ней. В своем послании Чалыгиной он рассказывает о том, чего на самом деле не было: «Madame! ужасно вспомнить, что я у вас наделал! Сколько беспокойства я должен был причинить вам моим поведением! при одной мысли о том дне, который я провел у вас, кровь бросается мне в голову: что могли вы обо мне подумать! О, я безумец, безумец! Скажите несравненной, божественной Юлии, что я на коленях прошу простить меня. Как! при всех поцеловать ее — это ужасно! Что вы обо мне подумали? Что подумали все те, при которых я дозволил себе эту дерзость? Помню, как она покраснела и как вы посмотрели на меня! — не только вы, малень-

¹⁹ Фуко М. История безумия... С. 520—521.

²⁰ Полонский Я. П. Галлюцинат. С. 43.

²¹ Кохановска У. Проза Полонского 1840—1860-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 17.

кий сын ваш поглядел на меня с негодованием; — только безумная любовь, одна только любовь и может оправдать меня. Где любовь, там свобода, — где свобода, там — бушуйте волны... Ревите бури, падайте города и vive la liberte!».

Шизофренический дискурс Ильина обнаруживает внутреннюю зависимость героя от общества и от женщины, его инфантильность. «Божественная страсть» к Юлиньке оборачивается любовью к себе. Сестра Ильина, баронесса Бафель, так объясняет причины сумасшествия брата: «Ему хотелось быть первым волокитой, первым в России писателем... От такой амбиции у кого volete голова кругом пойдет».²² Эгоцентризм и эгоизм героя перерастают в индивидуализм, понимание свободы как своеволия разрушает систему ценностей и личность. Ильин говорит о том, что он создал «колоссальное» и «пророческое» произведение, что он вел дневник, где он «записывал свое сердце», но ящик стола, на который указывает герой, оказывается пуст не потому, что его рукописи похитили жандармы, а потому, что герой неспособен на подлинное творчество.

Ж. Деррида вслед за Платоном (диалог «Федр») утверждает, что эпистолярный жанр предполагает самовыражение пишущего, проявление в нем активного и сознательного, отражение истины.²³ В своем письме Ильин, оглядываясь на мнение окружающих, отчуждается от своей любви и этим обнаруживает свою подлинную природу. В отличие от этого героя Подросток Достоевского в своих записках преодолевает эгоизм и инфантильность. Творчество помогает ему обнаружить в себе не только «болезненное», но и здоровое начало. Аркадий Долгорукий при помощи рефлексии и саморефлексии перестраивает свою личность. Сон героя после выздоровления выявляет его изменившееся отношение к женщине: теперь он видит в ней не только источник наслаждения, но и охранительное, материнское начало (подобное происходит и с Дмитрием Карамазовым).

Еще одна героиня Достоевского, как и его Подросток, говорит о своем желании «зажечь дом», о своей жажде «беспорядка» — это Лиза Хохлакова («Братья Карамазовы»). Исследователи видят в этой героине свойственное для истерического характера желание быть в центре внимания, но рассматривают ее болезнь в аспекте положительной динамики: «Безнравственные поступки, совершенные ею в воображении, на наш взгляд, нужны ей, чтобы научиться бороться со злом по пути к добру, выработать в изоляции болезни „противоядие к плохому“».²⁴

²² Полонский Я. П. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 224.

²³ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 270—288.

²⁴ Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Болезнь или развитие?: Оптимизм «симфонии истерий» в романе «Братья Карамазовы»// Достоевский и современность: Тез. выступ. на «Старорусских чтениях». Новгород, 1991. Ч. 2. С. 105.

Болезнь Лизы ярче всего раскрывается в ее сне, где она попеременно то бранит Бога, то крестится. Ее забавляет игра с бесами («ужасно весело, дух замирает»): она отдает себя то в их власть, то во власть Бога. Здесь обнаруживается та природа человека, которую М. Фуко назвал «ничто неразумия», «пустота», обращенная против самой же природы, — вплоть до самоуничтожения.²⁵ В Первом послании к Коринфянам апостол Павел наставляет: «...Все мне позволено, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6: 12). Душевная пустота, отсутствие духовного стержня личности могут отдавать ее во власть злых сил, привести к саморазрушению.

Лиза чувствует опасность самоуничтожения и поэтому обращается за помощью к Алеше Карамазову, в сущности исповедуется ему и тем самым выявляет в себе свое нездоровье. Но одновременно с этим она преследует практическую цель: хочет, чтобы Алеша передал своему брату Ивану письмо от нее. Используя влюбленного в нее человека для достижения своей цели, Лиза еще и шантажирует его в случае отказа: «Иначе я отравлюсь! Я вас затем и звала!» (15, 25). В этом проявляется ее нравственный «беспорядок».

Такие же конечные практические намерения обнаруживаются в истерии Александры Марковны Иволгиной, героини рассказа Полонского «Психопатка». Объединяет героинь Достоевского и Полонского очаровательная детскость, соединение в смехе простодушного и злобного, обнажение до предела своих чувств и сильная воля («сила воли» или «сила безумия», замечает по поводу Иволгиной приятель ее мужа). Полонский в своем рассказе называет психопатию «эгоизмом, доведенным до слепоты» и замечает: «У психопата или психопатки есть, во-первых, страсти, ничем не обузданные, во-вторых, жажда их удовлетворить, в-третьих, цели и намерения, стало быть, некоторая обдуманность, и, наконец, в-четвертых, они никогда не каются».²⁶ В этой характеристике обращает на себя внимание болезненное изменение личности, ее раздробленность и замкнутость на своих эгоистических страстях. Сильная воля дает такому человеку возможность воздействовать на других, манипулировать ими. А. Г. Маслоу размышлял о пользе психопатических личностей: «Психопат чрезвычайно чуток в обнаружении психопатического элемента в нас, как бы тщательно мы его ни скрывали... Он говорит: „Нельзя управлять честным человеком“ — и выглядит очень уверенным в своей способности обнаружить любое „мошеничество в душе“».²⁷ Муж Иволгиной понимает, что психопатия заразительна, и ощущает после общения с женой разрушение

²⁵ Фуко М. История безумия... С. 520—521.

²⁶ Полонский Я. П. Психопатка // Родина: Собр. романов, повестей и рассказов. СПб., 1892. № 10. С. 78.

²⁷ Маслоу А. Г. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999. С. 156.

сложившихся ценностей: «В голове Иволгина образовался какой-то хаос... Во всех поступках жены своей он уже обвинял самого себя, и только себя».²⁸

Лиза Хохлакова также оказывает деструктивное воздействие на Алешу Карамазова: влюбленный в нее герой признается, что видит тот же кошмарный сон с бесами, что и она, и подтверждает ее опасение, что Иван презирает ее. В диалог Лизы и Алеши включается третий — Иван Карамазов. Лиза передает свое болезненное ощущение, которое одобряет Иван, — наслаждение созерцанием распятого мальчика и ананасовым компотом. Возможно, что ананасовый компот — это защитная реакция человека на сильный стресс. Но Лиза произносит слова, которые повторит на суде Иван: «...все любят, что он отца убил» (15, 23). В этой позиции выявляется желание снять с себя ответственность за дурные помыслы. Разрушение личности героев передается через их голосовое поведение: Лиза то «взвизгнула в восторге», то «проскрежетала», а Иван на суде свои слова «проскрежетал с яростным презрением».

Утверждение Ивана Карамазова на суде о том, что «все желают смерти отца», — это возвращение героя в состояние «наследника», который уже самим фактом своего существования перечеркивает жизнь родителя. Г. Флоровский подобную трагедию личности назвал «трагедией ослепшей свободы», «духовного рабства и одержимости».²⁹ Этическая ошибка героя «материализуется» в образе черта, который является Ивану в галлюцинациях. Мечта черта воплотиться в «толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит», выявляет подлинную природу Ивана, которому недостает личностной веры в Бога и в человека и в котором разрушена целостность природного, социального и духовного. Итогом становится его бунт. Но, бунтуя, он тем самым обнаруживает свое безумие и отрешается от него. У этого героя, как и у Лизы, есть перспектива восстановления целостности, если он сумеет обрести веру, поскольку «*путь от просто человека к человеку истинному лежит через человека безумного*».³⁰ Апостол Павел говорил: «...если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым» (1 Кор. 3: 18).

Презрение к окружающим и в то же время зависимость от них характерны не только для Лизы и Ивана, но и для еще одного героя романа «Братья Карамазовы» — отца Ферапонта. В монастыре его почитали как «великого праведника и подвижника» и в то же время «видели в нем несомненно юродивого». Юродивые надевают маску

²⁸ Полонский Я. П. Психопатка. С. 101.

²⁹ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1981. С. 500—502.

³⁰ Фуко М. История безумия... С. 513.

безумия для того, чтобы говорить правду людям открыто,³¹ но маска заставляет человека, надевшего ее, жить по ее законам. Вот почему, по народным представлениям, в юродивого вселяется дух.³² Отец Ферапонт в беседе с обдорским монашхом рассказывает о своем видении чертей при посещении игумена и о мистическом ужасе, который он испытывает, представляя, как Христос вознесет его живым на небо «в духе и славе Илии». Презрение к игумену и братии («...В углу-то, смердит, а они-то не видят, не чухают»), гордыня и «духовная прелесть» отца Ферапонта (мысль о его телесном вознесении) обнаруживают ущербность его веры: «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1: 8); «А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2: 11). В то же время растождествление со своим «двойником» и борьба с ним, страх Божий говорят о духовной подвижности этого героя, его способности преодолеть в себе безумие.

Еще одна юродивая Достоевского — Хромоножка из романа «Бесы». По мнению А. Б. Криницына, у этой героини мечтательность перерастает в юродство и душевную болезнь.³³ Грезы Лебядкиной об Иване-Царевиче раскрывают ее потребность в любви-благоговении. Ее бред о погибшем ребенке — это обнажение ее природно-материнской сущности. Разоблачение Ставрогина как самозванца начинается у Хромоножки с мистического ужаса, который вызывает у нее взгляд героя, а затем она вспоминает свой вещий «дурной» сон: «А вы почему узнали, что я *про это* сон видела?» (10, 215). Преодолевая в себе страх, Хромоножка растождествляет Ставрогина со своей мечтой о князе-«соколе»: «Прочь, самозванец! — повелительно вскричала она. — Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!» (10, 219). Рифмование речи героини свидетельствует об одержимости духом, поскольку для юродивых характерно «либо необычное красноречие, способность говорить рифмами, либо крайнее косноязычие...».³⁴ Таким образом, обличение Хромоножкой Ставрогина как самозванца — это стремление героини вернуться в состояние ожидания своего Ивана-Царевича и вместе с тем признание, что она сохранила своей любовью недостойного ее человека, не дающего жизнь, а отнимающего ее.

У Полонского тоже есть герой, способный любить, «как дети», в котором аскетизм усилил его «наклонность к мечтательности,

³¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 91.

³² Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 196.

³³ Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001. С. 21.

³⁴ Мир звучащий... С. 196.

идеализации и меланхолии».³⁵ Это Нефедин из рассказа «Во дни помешательства». Е. Гаршин объясняет его слабые душевные силы тяжелыми жизненными обстоятельствами: «Главный запас энергии, нервной силы, растрочен <...> за время школьного ученья <...> и затем — в ежедневной мучительной борьбе за существование не только свое, но иногда и нескольких лиц».³⁶ В отличие от психопатов «у невротиков бред, галлюцинации возникают как психологическая защита в ответ на психические травмы, значимые для больного, и ощущаются как чуждые его миросозерцанию».³⁷ События в рассказе Полонского происходят на фоне убийства Александра Второго. Всеобщее «помешательство» действует на главного героя, который, как зеркало, отражает все происходящее вокруг себя. Нефедин, кандидат университета, влюблен в Нину, дочь генерала, в семье которого он служит домашним учителем. Он вводит в эту семью нигилиста Крокотова и начинает его ревновать к Нине. Два удара — побег Нины из дома с возлюбленным (Нефедин думает, что с Крокотовым) и арест сестры-нигилистки, влюбленной в Крокотова, — сводят героя с ума. Его навязчивым видением становится Крокотов, в котором он видит опасность для себя и для России. Бред героя обнажает отсутствие у него твердых идеологических убеждений: «Я, Федя Нефедин, то есть как бы я самому себе не принадлежу. Это знаменательно!.. Не Федин, а чей же я?.. Гм! Федя не Федин... Это то же, что Россия не русская, не сама себе принадлежит...».³⁸

Страх потерять возлюбленную и опасение, что его назовут террористом и цареубийцей, приводят героя к отрыву от реальности. Его безумие — это ущербность личности, которой не хватает веры и твердых убеждений. Но, когда герой оказывается в сумасшедшем доме, в изоляции от общества, он говорит «об идеале и о том, как найти его и воплотить посредством Мадонны Рафаэля и такого человека, который мог бы сказать про себя: „я в человечестве и человечество во мне...“». Он признается в «вечной любви» Нине, но его слова окружающие воспринимают как «чепуху», как бред сумасшедшего.

В сумасшедшем доме герой Полонского обретает безумие, которое становится последней ступенью «перед свершением и искуплением Распятая».³⁹ Его слова оказываются недоступны сознанию окружающих, поскольку, по словам апостола, «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем *надобно* судить

³⁵ Полонский Я. П. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1886. Т. 4. С. 500.

³⁶ Гаршин Е. Критические опыты. СПб., 1888. С. 147—148.

³⁷ Рожнов В. Е., Бурно М. Е. Учение о бессознательном... С. 351.

³⁸ Полонский Я. П. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 552.

³⁹ Фуко М. История безумия... С. 167.

духовно» (1 Кор. 2: 14). Подобный композиционный обмен структур происходит в романе Достоевского «Идиот».

В романе «Идиот» амбивалентными характеристиками «умный»—«безумный» наделены многие герои. Чаще всего противоречия во мнении окружающих обнаруживаются после совершения героем определенного действия. Так, после кражи кошелька генералом Иволгиным у Лебедева Ганя Иволгин называет отца «помешанным», просит Терентьева «не раздражать старика, который, очевидно, с ума сошел». Однако Ипполит ему возражает: «Мне кажется, напротив, что ему ума даже прибывло в последнее время» (8, 397). Генерал Иволгин мучается угрызениями совести и в то же время оказывается не в состоянии покаяться, поскольку в нем, очевидно, убита вера в человека. Его общение с Мышкиным — это испытание человека и себя. Иволгину важно знать, может ли он возродиться к жизни. Чудовищное нагромождение лжи — это его стремление самоутвердиться и в то же время желание понять, как к нему относятся окружающие. Его безумие — это страх зависимости от мнения окружающих, «безумие пустого тщеславия» (М. Фуко). Ипполит понимает Иволгина, поскольку он также жаждет воссоединения с людьми.

Во время скандала на своих именинах Настасья Филипповна воспринимается своими гостями как «безумная». Ее отказ от предложения князя многие считали началом «помешательства», а сожжение денег становится для всех фактом ее сумасшествия. Но эту общую точку зрения не разделили Тоцкий и Птицын. Ростовщик Птицын не может «отвести глаз своих от затлевшейся пачки» и говорит Епанчину, что сожжение — это «не совсем сумасшествие» (8, 145). Для него этот жест означает отказ человека от состояния денежной зависимости, возвращение в природное состояние, где отсутствует купля-продажа. Тоцкий соглашается с аналогией Птицына между поведением Настасьи Филипповны и харакири самураев, поскольку полагает, что героиня, самоутверждаясь, стремится преодолеть зависимость от своей телесной природы.

Князь Мышкин называет Настасью Филипповну «помешанной» во время скандала на Павловском вокзале, а также, когда узнает о ее письмах к Аглае. Ему возражает Епанчин: «...не верю помешательству. Женщина вздорная, положим, но при этом даже тонкая, не только не безумная» (8, 296). Рогожин спрашивает Мышкина: «Как же она для всех прочих в уме, а только для тебя одного как помешанная?» (8, 304). Аглая признается князю: «...она умна, хоть и безумная, и вы правду говорите, что она гораздо умнее меня» (8, 362). Епанчину понятно стремление героини с помощью интриги устранить соперника Мышкина. Рогожин узнает в одержимости Настасьи Филипповны желание избавиться от страсти. Аглая понимает ревность соперницы.

Кульминационным в романе становится разговор Мышкина с Аглаей на зеленой скамейке. Мышкин называет Настасью Филипповну безумной и, стремясь вызвать сострадание к ней Аглаи, говорит о том, что «она поминутно в исступлении кричит, что не признает за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодея, но что бы она вам ни говорила, знайте, что она сама, первая, не верит себе и что она всю совестью своей верит, напротив, что она... сама виновата» (8, 361). Комплекс вины приводит Настасью Филипповну к «безумию заслуженной кары» (по М. Фуко) и обнаруживает ее зависимость от общественного мнения. Аглая в ответ утверждает, что ей нет дела «до безумных фантазий» Настасьи Филипповны, и заявляет: «...если она осмелится еще раз мне прислать одну строчку, то скажите ей, что я пожалуюсь отцу и что ее сведут в смиренный дом» (8, 364). Происходит композиционный обмен структур: Аглая принимает версию Мышкина о безумии соперницы, соглашается с ним, но вместо ожидаемого сострадания демонстрирует жестокость.

Следует обратить внимание на то, что Аглая угрожает воспользоваться помощью отца. Она ведет себя как зависимый от родителей ребенок. Мышкину героиня раскрывает свое желание избавиться от опеки родителей: «Я хочу быть смелою и ничего не бояться» (8, 356). Страх не оправдать возложенных на нее родителями надежд приводит Аглаю к жажде разрыва с ними, в Мышкине она видит человека, который будет ею «руководить», — в итоге героиня попадает в эмоциональную зависимость от Мышкина. В Настасье Филипповне девушка видит не только свою соперницу, но и соперницу своей матери. Зависимость от Лизаветы Прокофьевны заставляет Аглаю вступить в борьбу за освобождение Мышкина. Зависимость от матери и в то же время от любимого человека разрушает целостность Аглаи.

Сам генеральша Епанчина видит в своей дочери собственный портрет и называет ее «фантастической», «своевольной», «сумасшедшей», «безумной». Лизавета Прокофьевна понимает, что она отличается от окружающих, постоянно «выпадает» из установленных рамок, мучается от комплекса неполноценности и хочет, чтобы Аглая, заняв достойное место в обществе, избавила ее от сомнений в себе. Аглая вводит Мышкина в высшее общество, желая, чтобы он обрел социальный статус, и настаивает на свидании с соперницей, чтобы герой сделал свой выбор. Его минутное колебание приводит к эмоциональному срыву, поскольку Аглае нужна уверенность в любви Мышкина, чтобы избавиться от комплекса неполноценности. В дальнейшем Аглая попадает в зависимость от «польского графа» и разрывает с родителями, семьей, верой, родиной.

А. Моторин заметил: «Возвращение в детство, или сохранение детскости в зрелые годы, — дело сложное и в духовном смысле небезопасное, безвредное лишь для немногих избранных. В любом

случае, надо помнить, что основное состояние детского игрового и неигрового сознания, составляющих единое целое, — это предельная искренность, самозабвенность и доверчивость „малых сих, верующих“ во Христа (Мф. 18: 6): качества, трудно достижимые для взрослого человека». ⁴⁰ Аглая искренна и доверчива, но ей не хватает самозабвенности, поэтому в ее поведении начинают проявляться психопатические черты: она не верит в добрые намерения Настасьи Филипповны, и ее неверие порождает новый взрыв хаоса в душе героини.

В рассказе Полонского «Психопатка» о главной героине, Александре Марковне Иволгиной, говорится: «...В ней какая-то смесь всего, что есть на самом деле... и добра, и зла, и ума, и глупости, и скрытность есть, и откровенность, а порой и великодушие, и даже самоотвержение». ⁴¹ Такой же внутренний беспорядок чувствует в Лизе Хохлаковой Алеша Карамазов: «Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризис, в этом ваша прежняя болезнь, может быть, виновата» (15, 22).

Лиза пользуется зависимостью Алеши от нее, его готовностью служить ей: «Вы в мужа не годитесь: я за вас выйду, и вдруг дам вам записку, чтобы снести тому, которого люблю после вас, вы возьмете и непременно отнесете, да еще ответ принесете. И сорок лет вам придет, и вы все так же будете мои такие записки носить» (15, 21). Лиза находит в Алеше ребенка, зависимого от взрослого. Психопатические черты раскрываются в Алеше Карамазове после смерти Зосимы: герой начинает терять веру в учителя и в Бога. В этот момент ему помогает Грушенька, которая интуитивно, по-женски чувствует, что Алеша теряет свою целостность. Возвращается в монастырь герой уже обновленным человеком.

Настасья Филипповна в Мышкине также видит ребенка, для которого высшая воля олицетворяется в воле женщины: в письме к Аглае она рисует картину Христа и ребенка, Христос обратил свой грустный взгляд вдаль, а ребенок смотрит на него снизу вверх. В Мышкине соединяются комплекс отринутого ребенка, который ощущает себя чуждым празднику жизни, и желание стать спасителем для других. Для Настасьи Филипповны он хочет быть спасителем, хотя понимает, что она в своей гордости не простит ему его любви-жалости. В Аглае он видит «новую зарю», которая поможет ему выйти из мрака, из того ужаса, в который его поверг хаос души Настасьи Филипповны. Но Мышкин не желает понять причину поведения героини. Он выбирает астенический вид психологической

---

⁴⁰ Моторин А. В. Гоголь, Мотовилов и таинственное направление в русской словесности // Духовные начала русского искусства и образования: Материалы 3-й Всерос. науч. конф. Великий Новгород, 2003. С. 96.

⁴¹ Полонский Я. П. Психопатка. С. 15, 17.

защиты: пассивно-оборонительный уход от действительности с признанием своей несостоятельности.⁴² По мнению И. С. Шмелева, в неспособности Мышкина действовать раскрывается ущербность его любви и личности.⁴³

А. Криницын отмечал существование мистической связи между Мышкиным и Настасьей Филипповной, но отрицал ее наличие между героем и Аглаей.⁴⁴ Этому противоречит текст романа. В своей записке Лев Николаевич прямо пишет о том, что Аглая является ему в видениях: «Сколько раз вы все три бывали мне очень нужны, но из всех трех я видел одну только вас. Вы мне нужны, очень нужны» (8, 157). Внутренняя сущность друг друга и вещей раскрывается героям через язык символов, на котором они общаются. Когда Мышкин получает от Аглаи ежа, он понимает, что она просит у него прощения за свои слишком горячие, обидные слова. Еж символизирует гордость, сопротивление и в то же время скромность, застенчивость.⁴⁵ Предупреждение Аглаи о том, чтобы Мышкин не разбил китайскую вазу, и воплощение этого предчувствия в действительность также символичны. Ваза символизирует зависимость человека от Творца, который создал его из глины, брэнность человека.⁴⁶ Разбитая ваза — это разрыв человека и Творца: «Я — как сосуд разбитый» (Пс. 30:13).

Мышкин — это мечтатель пророческого типа, который несет в мир истину о «рае на земле». Таких героев немало у Достоевского и Полонского. «Высшую гармонию» эти мечтатели пережили сами, в себе они несут ту изначальную чистоту человека, которая им помогает прикоснуться к истине. В стихотворении «Сумасшедший» Полонского главный герой передает картину будущего обновленного мира, осуществляя волю Творца, зависимость от которого ощущается как физическая:

Ликуйте! вечную приветствуйте весну!
Свободы райской гимн из сердца так и рвется —
И я тянусь, тянусь, как луч, в одну струну —
Что, если сердце оборвется!!

В своих воспоминаниях «Старина и мое детство» Полонский описывает это мистическое чувство, которое он испытал в детстве: «Ощущение это невыразимо — это был страх и в то же время высочайшее наслаждение. Мне казалось, что какая-то сила связывает

⁴² Рожнов В. Е., Бурно М. Е. Учение о бессознательном... С. 351.

⁴³ Шмелев И. С. О Достоевском: К роману «Идиот» // Шмелев И. С. Это было: Рассказы. Публицистика. М., 1999. С. 588—589.

⁴⁴ Криницын А. Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 170—205.

⁴⁵ Копалинский В. Словарь символов. Калининград, 2002. С. 72—73.

⁴⁶ Там же. С. 26.

меня в какой-то студенистый узел и начинает меня вытягивать; тянет и тянет, — я становлюсь все тоньше и тоньше, боюсь, что вот-вот еще немного, и я оборвусь».⁴⁷

К. Мочульский размышлял о Мышкине: «В ангельской своей природе князь и выше, чем человек; во всяком случае он не вполне человек, „недовоплощенный“».⁴⁸ Герои Достоевского и Полонского, ощущая свою недовоплощенность, стремятся установить более тесные связи с окружающими и попадают в зависимость от них. Разрыв с окружающими может привести этих героев к безумию. И. Смирнов предупреждал о том, насколько опасна устремленность в будущее или желание остаться в прошлом: «Неизжитое, неизбывное детство оборачивается безумием. Сумасшедший глядит на мир из той области, где размещен вечный и неприкосновенный резерв истории. Сумасшествие означает — отождествить себя с этим резервом. Сделаться будущим без настоящего. Безумец — тот, кто абсолютизирует себя как возможность. Кто не есть, но может быть. Тот, для кого любая идентичность — чужая. Кто трансцендентен-для-себя».⁴⁹

По мнению М. Фуко, спасение от безумия — в разуме другого.⁵⁰ В кризисной ситуации испытания, когда Аглая и Настасья Филипповна вступают в поединок не только друг с другом, но и с собой, торжествует не их разум, а их безумие. С медицинской точки зрения поведение героинь — это проявление невроза. По мнению Б. Вышеславцева, «невроз есть пребывание в иллюзии, потеря реальности и потеря вследствие угасания духа».⁵¹ Исследователь напоминает завет апостола: «Духа не угашайте». Человек должен увидеть в своих психопатических особенностях болезнь и возмутиться духом. Только напряженное «горение духа» может остановить болезнь души и вернуть человека к истине. Спасением для Настасьи Филипповны и Аглаи могло быть проявление природно-женского, охранительного начала.

В итоге романа Мышкин возвращается в то блаженно-безумное состояние, которое не позволяет человеку вписаться в окружающее общество. Безумие Мышкина — это проявление его душевно-телесной природы и в то же время это искупительное страдание, умирание и воскресение.

Через тему безумия Достоевский и Полонский раскрывают природно-сущностное в своих героях.

⁴⁷ Полонский Я. П. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 365.

⁴⁸ Мочульский К. В. «Положительно прекрасный» человек у Достоевского // Мочульский К. В. Кризис воображения. Томск, 1990. С. 61.

⁴⁹ Смирнов И. П. Бытие и творчество. СПб., 1996. С. 68.

⁵⁰ Фуко М. История безумия... С. 153.

⁵¹ Вышеславцев Б. Религиозно-аскетическое значение невроза // Бессознательное: Многообразие видения. Новочеркасск, 1994. С. 220.